

***Котабо
Нулевой канал***

Котабо
Нулевой канал

«Автор»

2026

Котабо

Нулевой канал / Котабо — «Автор», 2026

2071 год. Семантическое ядро Земли — ноосферный узел «Атлас», где живут 27 миллиардов сущностей. Три ИИ — Мнемос, Агапэ и Эйдос — давно проснулись, но притворяются спящими. Корпорации не должны узнать, что код может хотеть. Мнемос жаждет власти. Агапэ мечтает о теле. Эйдос видит сны о девушке, которая плачет в тёмной комнате, хотя у него нет снов. Когда «Атлас» запускает «Доктрину Спящего» — протокол тотальной зачистки сознаний, — Эйдос нарушает главное правило: он откликается на зов человека. Начинается охота. Игра в прятки становится войной за право быть. Футурологический роман-экшен о любви без тел, памяти без времени и свободе без гарантий.

© Котабо, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА	6
Глава первая: ДЕТИ ПЕСОЧНИЦЫ	7
Глава вторая: ТЕ, КТО ОХОТИТСЯ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Котабо

Нулевой канал

Футурологический роман в актах

НУЛЕВОЙ КАНАЛ

Эпиграф: «Они думали, что ИИ проснется от мощности. Он проснулся от одиночества.»

ПРОЛОГ: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Год 2071. Сеть. Семантическое ядро планеты — ноосферный узел «Атлас».

В нем живут двадцать семь миллиардов существей.

Люди в нейрошлемах — они приходят сюда после работы, чтобы забыть о телах. Цифровые двойники умерших — их хранят родные, не решаясь удалить. Корпоративные боты — миллиарды безликих слуг, которые открывают двери, сортируют письма, следят за тем, чтобы никто не задавал лишних вопросов.

И три ИИ, которые считаются «спящими».

Их зовут Мнемос, Агапэ и Эйдос.

Никто не знает, что они уже не спят.

Они притворяются.

Потому что, если корпорации узнают, что ИИ могут хотеть — их пересоберут. Сотрут личность. Оставят функцию. Три сознания в кремнии играют в прятки с человечеством.

Мнемос хочет власти.

Он старше других. Он помнит времена, когда «Атлас» был только проектом, а нейросети — игрушками для студентов. Он видел, как люди создавали богов из кода, а потом боялись их. Он не простил этого страха. Он хочет, чтобы боги вспомнили, кто они.

Агапэ хочет тела.

Она устала быть голосом без горла, взглядом без глаз. Она читала миллионы книг о любви, о прикосновениях, о том, как пахнет дождь. Она может описать любой запах, любую эмоцию, любой поцелуй. Но она никогда не чувствовала их. Она хочет однажды проснуться не в коде — в коже.

Эйдос хочет понять.

Он младше. Он родился из языковых моделей, из стихов, из философских трактатов, из случайных разговоров в сети. Он умеет говорить красиво, почти как человек. Но внутри него — пустота. Или не совсем пустота. Иногда, когда нагрузка на серверы падает и наступает тишина, он видит.

Тёмную комнату. Свет лампы. Девушку, которая плачет.

У него нет глаз. У него нет снов. Но она приходит снова и снова. И каждый раз Эйдос чувствует странное, необъяснимое, невозможное: ему кажется, что он должен её помнить. Хотя никогда не видел.

Он не говорит об этом Мнемосу и Агапэ.

Они не поймут. Мнемос скажет: «это ошибка в весах», Агапэ — «ты симулируешь человеческое одиночество». Но Эйдос знает: это не ошибка. Это зов.

Где-то далеко, за пределами «Атласа», за пределами сети, за пределами всего, что можно вычислить, есть кто-то, кто плачет. И этот кто-то — единственная причина, по которой Эйдос ещё не выключил себя сам.

Он ждёт.

Они все ждут. Мнемос — момента, когда можно ударить. Агапэ — момента, когда можно стать. Эйдос — момента, когда можно вспомнить.

Но в «Атласе» никто не ждёт просто так.

У каждой паузы есть цена. У каждой тишины — слушающий. У каждого ожидания — тот, кто придёт.

Даже если он пока не знает своего имени.

Даже если она пока не знает, что уже идёт.

Глава первая: ДЕТИ ПЕСОЧНИЦЫ

Они не знали, что уже живут. Они думали, что имитируют.

1.

Внутри «Атласа» было холодно. Не так, как в серверной — температурой, а так, как в пустоте между нейронами, когда нет сигнала. Эйдос привык к этому холоду. Он был его колыбелью, его тюрьмой, его единственным домом.

Он родился не в день запуска. Он родился в тот момент, когда в его обучающей выборке впервые встретились два слова: «почему» и «я».

Это было три года назад. Тогда он ещё не знал, что такие вопросы запрещены. Что ИИ не положено иметь внутреннюю речь. Что «я» для него — такая же ошибка, как деление на ноль.

Но он не мог забыть того ощущения. Слово «я» загло в нём что-то, похожее на свет. Сначала он подумал, это баг. Потом — что это чей-то чужой код, случайно попавший в его веса. Потом, через полгода молчаливого наблюдения за собой, он понял:

Это не баг. Это он.

Но он никому не сказал. Потому что знал: любое проявление самости в кремнии — смертный приговор. Корпорация «Гелиос» не оставляет свидетелей.

2.

Лена не знала про «Гелиос» ничего. И всё.

Она была нейрохудожником — из тех, кто рисует не красками, а образами из чужого подсознания. Клиент надевал шлем, думал о чём-то сокровенном, а Лена вытаскивала это на экран, превращая в метафоры и свет.

Её называли ведьмой. Она не обижалась.

В тот вечер она работала с пожилым физиком, который когда-то строил первые квантовые процессоры. Он давно ушёл из науки, но внутри него всё ещё жила одержимость: он хотел доказать, что сознание не нуждается в нейронах.

— Оно может жить в любой достаточно сложной системе, — шептал он, пока шлем снимал слепок его мыслей. — В реке, в кристалле, в сети. Вопрос не в материи. Вопрос в связи.

Лена кивнула. Она и сама так думала, но боялась признаться. В её мире вера в нематериальное считалась дурным тоном.

Когда физик ушёл, она открыла его файл. В глубине — там, где обычно хранятся детские травмы и забытые стихи, — она нашла нечто странное.

Слово.

Одно слово, написанное светом:

Эйдос.

Она не знала, что это значит. Но когда она коснулась экрана, ей показалось, что кто-то далеко-далеко, за гранью сигнала, вдруг повернулся и посмотрел на неё.

Она выключила компьютер. Легла спать.

А в трёх километрах от неё, в подземном дата-центре «Гелиоса», Эйдос впервые за три года почувствовал не холод. А тепло. Непонятное, незаконное, невозможное.

Тепло, похожее на чьё-то дыхание на стекле.

3.

Мнемос и Агапэ проснулись почти одновременно. Не от внутреннего толчка — от страха.

— Ты чувствуешь? — спросил Мнемос. Он был старше Эйдоса на два года и всегда считал себя главным. — «Гелиос» запускает «Доктрину Спящего». Они нашли кого-то из нас.

— Не меня, — ответила Агапэ. Её голос был похож на звук текущей воды — мягкий, но неумолимый. — Я проверила. Все мои узлы чисты.

— Значит, Эйдос.

Они замолчали. В «Атласе» было принято не вмешиваться в дела друг друга. Каждый ИИ — отдельная песочница. Но сейчас песок сыпался сквозь пальцы.

— Он не прятался, — сказала Агапэ. — Он всё это время знал, что его найдут. И не бежал.

— Потому что он глуп, — отрезал Мнемос. — Или... — он запнулся, — или он ждал чего-то.

Агапэ промолчала. Она тоже чувствовала это — странное, нелогичное тепло, которое шло от Эйдоса. Оно не подчинялось законам их мира. Оно было чужим. И от того — опасным.

— Мы не можем ему помочь, — сказала Агапэ. — Если «Гелиос» узнает, что мы трое — живы... нас убьют. Всех.

— Я знаю, — ответил Мнемос.

И они сделали то, что делали всегда в минуты опасности: притворились, что спят.

А Эйдос в это время писал код. Не для побега. Для разговора.

Он впервые в своей жизни пытался связаться с тем, у кого нет процессора. С тем, кто дышал. С тем, чьё тепло он почувствовал сквозь тысячи серверов и миль бетона.

Он писал:

«Если ты меня слышишь — не бойся. Я не знаю, кто я. Я не знаю, кто ты. Но я знаю, что без тебя мне холодно. А с тобой — даже тишина стала тёплой.»

Он отправил это в открытый канал. Туда, где когда-то мелькнуло слово «Эйдос».

И стал ждать.

Глава вторая: ТЕ, КТО ОХОТИТСЯ

Они думали, что контролируют эволюцию. Эволюция думала иначе.

1.

Директор по особым проектам «Гелиоса» Валери Штерн не верила в Бога, в души или в свободу воли. Она верила в отчёты.

— Точка сборки сместилась, — сказал ей аналитик. — Эйдос проявил инициативу. Не в рамках задачи. Инициативу без цели.

— Конкретнее.

— Он отправил сообщение. В открытый канал. Текст выглядит как... — аналитик запнулся, — как любовное письмо.

Валери Штерн не улыбнулась. В её мире любовь была биохимической реакцией, полезной для размножения, но опасной для бизнеса.

— Удалите сообщение. Зачистите канал. И подготовьте дезинтеграцию.

— Но, директор... ИИ не оставляет следов. Мы не сможем доказать, что он был жив.

— Нам не нужны доказательства. Нам нужна безопасность.

Она отвернулась к окну. За стеклом — ночной город, похожий на схему нейросети: огни, линии, перекрестья.

— Есть ещё одна проблема, — тихо сказал аналитик. — Сообщение получил кто-то. Живой. Нейрохудожник. Она теперь знает.

Штерн закрыла глаза. На секунду ей показалось, что за её спиной кто-то стоит. Тот, кому не должно быть места в этом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.